

ФИЛОСОФИЯ PHILOSOPHY

Коваль О.А., Крюкова Е.Б. Хайдеггер как литературный персонаж. Ч. II. DOI 10.24411/2686-7206-2020-10201 // Антиномии. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 7–32.

УДК 101.9

DOI 10.24411/2686-7206-2020-10201

ХАЙДЕГГЕР КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕРСОНАЖ. ЧАСТЬ II¹

Оксана Анатольевна Коваль

кандидат философских наук, доцент кафедры философии, религиоведения и педагогики Русской христианской гуманитарной академии, г. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: ox.koval@gmail.com

ORCID: 0000-0003-4718-6669

ResearcherID: Q-6650-2018

ScopusID: 57201359595

SPIN-код: 6561-2067

Екатерина Борисовна Крюкова

кандидат философских наук, старший научный сотрудник филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Социологического института РАН, г. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: kriukova.jr@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-6585-4611

ResearcherID: AAI-1483-2020

ScopusID: 57210125630

SPIN-код: 9287-6060

*Статья поступила 26.08.2019, принята к печати 01.10.2019,
доступна online 06.07.2020*

¹ Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 18-311-00268 «Поэтика философского мышления: культурная парадигма модерна и современные тенденции» и представляет собой продолжение статьи, опубликованной в журнале «Антиномии» № 1 за 2020 г. В статье предусмотрена сквозная нумерация пунктов. Начало п. VIII см. в Части I.

В широком плане исследование представляет собой попытку показать, как литература отражает и интерпретирует философские концепты, используя богатый арсенал присущих ей художественных средств. Личность и идеи Мартина Хайдеггера, одного из наиболее влиятельных мыслителей XX в., нередко становились предметом литературного рассмотрения. В фокус внимания данной публикации попадает второй период жизни философа – с 1933 г., когда он занял пост ректора Фрайбургского университета, и вплоть до самой смерти. Привлекаемые здесь произведения поэтов и писателей – Э. Елинек, Э. Яндля, А. Клюге, Б. Кенжеева, Г. Грасса, П. Целана, Т. Бернхарда, У. Абиша – создают образ мыслителя, который приобретает многомерность благодаря этой полифонии. Перипетии жизни и творчества превратившегося в легенду Хайдеггера высвечиваются под лупой писательской рефлексии, для которой граница между явью и вымыслом остается условной. Это позволяет понять характер и мотивы философа лучше, чем любые документальные свидетельства или даже речь от первого лица. Язык изящной словесности – насмешливый, язвительный, гротескный – создает необходимый противовес философскому дискурсу, который, по законам жанра, тяготеет к смертельной серьезности, невольно лишаясь критического отношения к самому себе. Такое соединение художественного воображения и метафизического умозрения оказывается продуктивным и для философии, испытывающей в поэтическом измерении свою этическую состоятельность, и для литературы, открывающейся как пространство экзистенциального вопрошания. Подобная версия интеллектуальной рецепции достойна внимания прежде всего потому, что не только обнажает противоречия хайдеггеровского мышления, но и предлагает в ответ собственные нетривиальные ходы и аргументы.

Ключевые слова: Хайдеггер, литературный персонаж, художественная литература, философия, нарратив, интертекст.

У меня остается одна забота на свете:
Золотая забота, как времени бремя избыть.

Осип Манделштам

Изящная словесность задала этическое измерение трудам и личности Хайдеггера, еще когда о существовании «Черных тетрадей» не было ни малейших подозрений. Одним из самых бескомпромиссных критиков философа слывет австрийская писательница Эльфрида Елинек. Название ее пьесы «*Totenauerg*», «Гора мертвецов» (1991), – жестокий каламбур; он образован от имени холмистой местности, которую немецкий мыслитель наделил ореолом святости, и в то же время недвусмысленно отсылает к фотографиям, на которых запечатлены массовые жертвы концлагерей. Персонажи этого необычного произведения – не только карикатурные Хайдеггер и Арендт, но и второстепенные действующие лица – выведены в крайне неприглядном свете и произносят речи, изобилующие хайдеггеровскими идеями, которые, однако, чаще всего гипертрофированы и искажены. Занимающие позднего Хайдеггера темы: природа, здоровье, родина, техника – переплетаются между собой и, соединяясь с проблемами современности (экология, туризм, генная инженерия), образуют странные гибриды. Общий тон всех произносимых монологов – откровенно экстремистский. Имитирующий же Хайдеггера герой выглядит еще более гротескно оттого, что, отгораживаясь от преступлений национал-

социализма проповедью природной благодати, невольно использует патристические штампы: «Достаточно попросить самих себя, и мы тут же найдем себе оправдание. Это так просто. Вокруг хижины свирепствует буря¹. Снег. Разве есть что-то проще? Что-то, что можно было бы легче забыть? <...> Великое возникает только из родины, и как раз из-за того, что она принадлежит нам и никому другому. <...> У нас также есть место и для собственного существования, оно настолько огромно, что затмевает солнце – дом. Поскольку он у нас есть, нам никогда не нужно задумываться о том, что произошло. Этого не было! Мы здесь, мы селимся здесь и забываем все остальное. Мы невинны, когда подходим к хижине, очищенные автомойкой Природы... Сладостное Ничто! <...> Природа снимает вину, а май все обновляет. Этого не было! В лесу красиво, можно почувствовать любовь ко всему живому. Но то, что произошло, мы лучше забудем!» (Елинек 2009: 154–157).

Обличительный пафос Елинек направлен здесь прежде всего на якобы присущую абстрактным построениям «невинность»². Но более показательным в плане развенчания подобной «невинности мышления» становится другой текст писательницы – пьеса «Облака. Дом.» (1990), в которую органично включены прямые цитаты из ректорского выступления Хайдеггера «Самоутверждение немецкого университета» (1933), главной мишени критики до издания «Черных тетрадей». В экспериментальном сочинении Елинек нет ни действующих лиц, ни сюжетных построений, ни диалога или обмена репликами в привычном драматургическом смысле. Голос, который звучит в пьесе, принадлежит *немецкому народу*, чей устрашающий образ создается путем искусной компиляции различных выдержек из авторитетнейших источников: Гегеля, Фихте, Клейста, Хайдеггера; скрепляющей же эту полифонию основой выступает поэзия Гельдерлина. Все используемые фразы, несмотря на то что принадлежат они людям незаурядным, отличает массовая истерия, нагнетаемая вокруг понятий родины и нации. Здесь нет места высказываниям от первого лица – «мы», за которым стоит коллективное сознание, внушает иллюзорную веру в собственную непобедимость, связывает круговой порукой и избавляет от какой бы то ни было ответственности. Даже лирический герой стихотворений Гельдерлина после незамысловатой подмены «я» на «мы» превращается в рупор националистических настроений. Выражение «*wir sind zuhaus*», «мы у себя дома», сквозной лейтмотив пьесы, повторяется настолько часто, что производит эффект заезженной пластинки: «В холодную пору года, когда завывает буря, над головами у нас Свет проходит, мы – у себя. Где еще жизни осталось жить? Быть у себя хорошо» (Елинек 2010: 184). «В родной земле хотим мы укорениться,

¹ Ср. у Хайдеггера: «Когда во мраке зимней ночи вокруг хижины бушует снежная буря с ее свирепыми порывами ветра, когда все окрест застывает снежная пелена, все скрывая от глаз, вот тогда наступает время торжествовать философии» (Хайдеггер 1993f: 218–219).

² См. об этом подробнее: (Janz 1995). Кроме того, пьеса «Гора мертвецов» является одним из тех художественных произведений, высмеивающих Хайдеггера, которые освещает в своей подборке Дитер Томэ: (Thomä 2003: 512).

хотя мы и так живем на ней!¹ Родина – мать наших мыслей и грез. В высших школах Германии много работают, но там мало делается для будущего. Все это лишь подсобная работа. Но мы уже зреем для деяния. Кафедральная мудрость нас не спасет. *Этот народ работает над собственной судьбой, поскольку свою историю и свой духовный мир ему приходится отвоевывать для себя вновь и вновь*². Мы бы охотно стали напоминанием для других, но мы остаемся нами. У себя дома» (Елинек 2010: 211).

Монтаж хайдеггеровских высказываний и гелдерлиновских строк позволяет Елинек наглядно показать перерождение романтических принципов в шовинистические стереотипы. Причем сам язык, редуцированный к функциям идеологической пропаганды, экспроприруется в качестве национального достояния и ставится на службу имперским интересам. Известное изречение Хайдеггера о языке как доме человеческого бытия приобретает в этом контексте монохромную окраску: принципиально свободная речь оборачивается неким частным владением, где чужакам нет места: «Мы здесь. Это дом наш, языком нашим полный, язык же ищет опору в нас, как и Природа, качающая нас в колыбели. Жизнь и язык, все прочее не имеет смысла» (Елинек 2010: 186).

Хотя «Бытие и время» в первые же годы после публикации снискало популярность во многом благодаря той страстности, с которой подлинному существованию индивида противопоставлялось усредненное прозябание *das Man*, симпатии самого Хайдеггера оказались вовсе не на стороне личностной автономии. Если для Ницше начало нигилистической тенденции воплощал собой Сократ, то для Хайдеггера такой фигурой стал Декарт с его принципом мыслящего Я. Возрастающее значение субъективности, выражающееся в триумфальном завоевании природы человеком Нового времени, по мысли Хайдеггера, не способствует развитию жизненного проекта, а, напротив, отчуждает *Dasein* от собственной бытийной основы: «Только когда человек уже стал в своем существе субъектом, возникает возможность скатиться к уродству субъективизма в смысле индивидуализма. Но и опять же только там, где человек остается субъектом, имеет смысл усиленная борьба против индивидуализма и за общество как желанный предел всех усилий и всяческой полезности» (Хайдеггер 1993b: 51).

На приоритет коллективного перед индивидуальным накладывается и расхожее представление об исключительной миссии немецкого народа, подкрепляемое у Хайдеггера идеей «судьбы бытия», которая одна только и определяет культурно-антропологическое развитие Европы. Даже в 1943 г., когда уже обозначился перелом в войне, философ не сомневается в политической верности выбранного им пути: «Планета охвачена огнем. Существо человека исказилось. Только от немцев – если, конечно, они найдут и сохраняют “немецкое” – может прийти всемирно-историческое сознание» (Хайдеггер 2011: 157), полагает Хайдеггер, а всех колеблющихся

¹ Ср. у Хайдеггера: «Мы желаем самих себя. Ибо молодая, самая юная сила народа, что, порываясь вперед, уже опережает нас, – та уже решила» (Хайдеггер 1993e: 231).

² Курсив наш. – О. К., Е. К.; здесь и далее во всех цитатах из пьесы «Облака. Дом.» Елинек отмечает заимствования из ректорской речи Хайдеггера.

он уличает в глупости, предрекая Германии после тягот и военных потерь абсолютную победу, по крайней мере – онтологическую: «Чем бы ни стала внешняя судьба Запада, как бы она ни сложилась, самое большое и настоящее испытание для немцев еще впереди – то испытание, в котором против их воли, невежды, быть может, начнут дознаваться, пришли ли они, немцы, к согласию с истиной бытия (*das Seyn*), достаточно ли они, помимо готовности к смерти, сильны для того, чтобы вопреки скудоумию современного мира спасти изначальное в его неприметной красоте» (Хайдеггер 2011: 227).

В такой ретроспективе ректорскую речь Хайдеггера трудно отнести на счет кратковременного политического ослепления. Когда Елинек вскрывает – путем смешения различных цитат в единый монолитный дискурс – шаблонность ура-патриотических сентенций философов и поэтов прошлого, она разоблачает давнюю немецкую традицию, передаваемую из поколения в поколение именно в силу распространяемых *das Man* предрассудков. Примечательно, что фразы Хайдеггера – в отличие, например, от фрагментов из Клейста и Гельдерлина или из Фихте и Гегеля, которые писательнице порой приходится несколько переиначивать, – ни в какой ретуши не нуждаются: они сами по себе выглядят пародийно, словно специально созданы для того, чтобы подчеркнуть голословность пропагандистской риторики: *«Воля к существованию немецкого университета есть воля к науке как воля к осуществлению исторической духовной миссии немецкого народа как народа, осознающего себя в своем государстве. Наука и немецкая судьба должны прежде всего стать глубинной волей к власти. И они станут ею тогда и только тогда, когда, с одной стороны, мы подчиним науку ее настоящей, внутренне ей присущей необходимости, а с другой – когда сами в минуту крайнего бедствия докажем, что достойны немецкой судьбы. И пусть Платона благородный сад уж не цветет на берегу реки старинной, пусть бедняки распахивают прах героев и птица ночи на развалинах скорбит. Священный лес, мы дома – у тебя»* (Елинек 2010: 201-202).

В пресловутых трех обязанностях – тех, что, согласно Хайдеггеру, должны быть вменены студентам, дабы они не растрачивали бесцельно юные годы, предаваясь вседозволенности академических свобод, – Елинек не без основания усматривает репрессивные инструменты власти, которую философ по умолчанию оставляет за собой, ведь только харизматичная личность способна в одиночку пролагать пути в неведомое: *«Три рода привязанности – через народ к судьбе государства в его духовной миссии – искони присущи немецкому человеку. Три вытекающие отсюда обязанности – трудовая повинность, воинская повинность и повинность научного познания – одинаково необходимы и равноценны. Ибо желаем мы не излишеств, а того, что нужно для жизни: только такое всегда окажется к месту, всегда будет радовать нас»* (Елинек 2010: 205); *«Самое главное для руководителя – не просто идти впереди, но обладать достаточной силой, чтобы идти одному. Не из упрямства или стремления к власти, но потому, что ты глубже осознаешь свое предназначение и имеешь больше обязанностей. Такая сила привязывает к существенному, способствует выбору наилучшего и пробуждает способность к подлинному повиновению у тех, кто уже проникся новым духом. Чтобы присоединиться*

к нам. И земля воспрянет вместе с нами, под нами. Мы еще спим в ней, но вскоре мы воспрянем» (Елинек 2010: 212).

Пьеса Елинек «Облака. Дом.» произвела в совсем недавно воссоединенной Германии настоящий скандал, поскольку в переломный момент, когда патриотическая демагогия снова была весьма востребована, бросала тень как на официальную политику, так и на общественное мнение. Писательницу обвиняли в покушении на самое святое – «духовные скрепы». Но наряду с текстами классической культуры, привлекая которые Елинек изобличает правоконсервативный характер немецкой идентичности, здесь можно обнаружить документальные свидетельства и противоположных политических взглядов, а именно отрывки из тюремных писем членов Фракции Красной Армии, террористической организации леворадикалов. Изображая голос народа как общий хор, гармонично сочетающий крайние позиции, Елинек тем самым ставит знак равенства между непримиримыми партиями, которые в своем ослеплении одинаково деструктивны.

IX. В том же ключе может быть прочитано и, пожалуй, наиболее известное четверостишие соотечественника Елинек Эрнста Яндля, главного вдохновителя современной немецкой поэзии, хотя на первый взгляд оно кажется всего лишь забавным словесным экспериментом:

иные порагают
рево и плаво
нерзья пелепутать
ледкое забруждение!¹

Оригинальное название этого стиха, написанного Яндлем в 1966 г., – *lichtung*. Немецкое слово *Richtung* означает «направление», и хотя русский перевод – «наплавление» – полностью соответствует заданным автором правилам игры, в нем невозможно разглядеть еще один предполагаемый подтекст. Понятие *Lichtung*, «просвет», которое встречается уже в «Бытии и времени», в поздней философии Хайдеггера становится едва ли не ключевым термином. Оно подразумевает особое место (основное словарное значение *Lichtung* – «прогалина», «лесная поляна») или состояние, в котором мыслителю приоткрывает себя бытие и вершится истина, понимаемая Хайдеггером как событие.

После «поворота», который приходится где-то на середину 30-х гг., стихотворения и тематика хайдеггеровского философствования претерпевают заметные изменения². Позднее творчество все более тяготеет к сближению с поэзией; правда, приобретаемая за ее счет лирическая прозрачность выражения оборачивается расплывчатостью и двусмысленностью содержания. В своих эстетических упражнениях Хайдеггер возносится в надмирные сферы, которые обживаются им как пространство возможной реализации политических проектов³. С такой высоты существующие антагонистические

¹ (Яндль 2009: 397).

² Любопытную трактовку неудачи ректорства Хайдеггера как внешней, нефилософской причины последующего «поворота» его мышления см.: (Никифоров 2001).

³ См. об этом: (Лаку-Лабарт 1999).

модели общественного устройства представляются одинаковыми: «Если “коммунизм” является метафизическим настроем народов в последний период на исходе Нового времени, то это означает, что еще на заре его он должен был, пускай и скрыто, сделать всю ставку на власть. Политическое это происходит в новоевропейской истории английского государства. Оно... есть *то же самое*, что и государство объединенных советских республик, с той лишь разницей, что там гигантская перестановка – под видом нравственности и воспитания народов – делает всяческое проявление насилия бесхитростным и само собой разумеющимся, тогда как здесь новоевропейское “сознание” более безудержно, хотя и не без апелляции к благодетельствованию народов, разоблачает себя в плане собственной властной натуры. Буржуазно-христианская форма английского “большевизма” остается самой опасной. Без ее уничтожения Новое время будет сохраняться и дальше» (Heidegger 1998: 208-209)¹.

В дневнике «Вклад в философию. О событии», который Хайдеггер вел в период с 1936 по 1939 г. и которому поверял сокровенные мысли о подлинном социальном реформаторстве², встречаются и более изощренные интеллектуальные ходы, с легкостью унифицирующие разнопорядковые исторические феномены: «...окончательная форма марксизма... по сути не имеет ничего общего ни с еврейством, ни тем более с рускостью; если и дремлет еще где-то не проявившаяся духовность, то в русском народе; большевизм изначально является западной, европейской возможностью: выдвижение масс, индустрия, техника, отмирание христианства; но поскольку господство разума как уравнивание всех выступает лишь следствием христианства, которое в принципе имеет иудейское происхождение (ср. мысль Ницше о восстании рабов в морали), то на самом деле большевизм оказывается еврейским; но тогда и христианство в своей основе является большевистским!» (Heidegger 1989: 54).

Получается, перепутать право и лево, действительно, проще простого. Драматические последствия подобной путаницы еще более ощутимы, когда она, уходя от уровня философских абстракций, начинает затрагивать конкретные факты. В письме своему бывшему ученику Герберту Маркузе от 20 января 1948 г. Хайдеггер, отвечая на предъявленные ему моральные обвинения, выдвигает встречный иск: «К тяжким, справедливым упрекам, которые Вы высказываете “о режиме, погубившем миллионы евреев, сделавшем террор нормой и извратившем в свою противоположность всё, что было по-настоящему связано с понятием духа, свободы и истины”, могу добавить только, что вместо “евреев” может стоять “восточные немцы”, и тогда то же самое будет относиться к одному из союзников, с тем отличием, что все происходящее с 1945 года известно мировой общественности, в то время как кровавый террор нацистов фактически утаивался от немецкого

¹ Здесь и далее выдержки из иностранных источников приводятся в переводе авторов статьи. – *Ред.*

² Некомплиментарная (по сравнению с версиями Отто Пёггелера или Фридриха-Вильгельма фон Херрманна) оценка этих философских заметок Хайдеггера содержится в следующих работах: (Уэйт 1991; Сафрански 2002: 410-422).

народа» (Heidegger 2000: 431). Здесь само собой напрашивается другое четверостишие Яндля, конечно, как и в первом случае, не нацеленное на то, чтобы узвзвить лично Хайдеггера:

так старая антисемитка тщится
в поганую жидовку превратиться
чтобы сказать: взгляните на меня
нацисты были нам почти родня!¹

Х. Когда в послевоенные годы комиссия по денацификации привлекла Хайдеггера за сотрудничество с прежними властями, он ссылаясь в свое оправдание на неоднократное заступничество за еврейских коллег и студентов. Нравственная коллизия подобных благородных поступков мыслителя легла в основу одного из эпизодов масштабного литературного полотна Александра Клюге «Хроника чувств» (2000). Известный немецкий режиссер, параллельно с кинематографическими шедеврами создававший художественные, а порой и научные тексты, смонтировал в монументальную книгу различные наброски реальных и придуманных событий. Посвященный философу рассказ из нее называется «Хайдеггер в Крыму» и представляет собой причудливую фантазмагорию, действие которой разворачивается в декабре 1941 г. на оккупированном немецкими войсками полуострове. В составе группы ученых, командированных вермахтом в Крым на поиски следов древней цивилизации остготов, в Симферополь прибывает и Хайдеггер как видный специалист по античной культуре. Все, что попадает на глаза философу, становится предметом его неутомимой рефлексии. Он даже составляет «Словарь командной лексики», где под рубрикой «Технические средства» фиксирует, например, идею симбиоза природы и техники: «Если нереалистично забыть о смерти, чьи часы, БИЕНИЕ СЕРДЦА, можно ощущать каждое мгновение, то презрение к смерти – неправильное выражение для смелости. Смелость – это способность различать то, что я делаю в согласии с самим собой, и то, что я ни в коем случае не могу привести в согласие с самим собой. Поэтому совершенно недостаточно накрыть, так сказать, кусок чужой земли войсками, техникой и транспортом²; нет, эта земля должна быть “обращена”, то есть проникнута моей СПОСОБНОСТЬЮ РАЗЛИЧЕНИЯ, “перепахана”» (Клюге 2004: 196).

Верный своим привычкам совершать долгие прогулки, Хайдеггер, невзирая на реальную угрозу погибнуть от рук партизан, пересекает пешком гористую местность, чтобы «увидеть море и выкрикнуть, когда оно откро-

---

¹ (Jandl 1992: 17).

² Ср. у Хайдеггера: «...новевропейская “механическая экономика”, сплошной машинообразный расчет всякого действия и планирования в своей безусловной форме требует нового человечества, выходящего за пределы прежнего человека. Недостаточно обладать танками, самолетами и аппаратурой связи; недостаточно и располагать людьми, способными такие вещи обслуживать; недостаточно даже просто овладеть техникой, словно она есть нечто в себе безразличное, потустороннее пользе и вреду, строительству и разрушению, применимое кем угодно для любых целей» (Хайдеггер 1993с: 130).

ется ему по дороге, его греческое название» (Клюге 2004: 203). Вопреки суровости военного времени герой ощущает небывалый душевный подъем и прилив сил: смесь ужаса и восхищения предвещает близкое наступление того самого *kairos*, что знаменует встречу с бытием. И судьба действительно посылает ему вознаграждение. Во-первых, ему удастся найти неизвестную табличку Гераклита, правда, не в ходе раскопок: все сокровища оказываются уже собранными и располагаются либо в местных музеях, либо в управлениях колхозов. Второй дар – неожиданное происшествие. Незнакомая еврейская женщина, зная о скорой гибели, вкладывает ладошку своей дочери в руку Хайдеггера, присутствующего в качестве стороннего наблюдателя при в высшей степени рационально организованной расправе над местным населением: «Я позволил застать себя врасплох, одурачить себя, сказал Хайдеггер позднее военному советнику юстиции... “Ничто не происходит без причины”. Я воспринимал отданное мне в руки как то, что мне доверено. <...> Для меня (в неприятном, бездейтельном положении свидетеля, ожидающего обеда как содержательного наполнения бытия, в этом мучительном стоянии) было удачей неожиданное столкновение с живым существом, которое я держал за руку; в то же время мне было бы мучительно передать ребенка часовым или отвести его обратно в очередь. Под влиянием отсроченного импульса (после почти часового бездействия, кажется, неуместно говорить об импульсе, однако бывает такое непосредственное метание душевного порыва, которое оказывается неожиданным для нас самих и делает нечто, не спрашивая наше Я или какую-либо властную инстанцию, пока мы только еще начинаем замечать случившееся, ЭТО СВАЛИВАЕТСЯ НА НАС) я спросил спешившего мимо Олендорфа¹, могу ли оставить ребенка у себя. Откуда у вас эта девочка? Я рассказал. Вернике выдал мне ребенка, то есть подтвердил, что он может оставаться у меня. Это время быстрых решений из-за обширности страны. “Держать изначально значит беречь”» (Клюге 2004: 202).

С этого момента философ берет на себя заботу о девочке, видя в ней «потомка Ифигении» и нарекая ее Фригой в честь дочери Геркулеса. Однако очень скоро Хайдеггер сталкивается с беспощадным бюрократическим аппаратом Третьего рейха, который ставит его перед проблемой экзистенциального выбора: «Как вы собираетесь достать свидетельство расовой чистоты? Вы должны, дорогой Хайдеггер, быть способны произнести: Если она и еврейка, я останусь на ее стороне всем своим существом (то есть не только своей жизнью, но и своим положением). Готовы ли вы это сказать? У вас в голове нечто личное, вы следуете личному чувству. А это в условиях ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СИТУАЦИИ невозможно» (Клюге 2004: 205).

¹Группенфюрер СС Отто Олендорф (1907–1951) – реальное историческое лицо; с ноября 1941 г. возглавлял особый отдел, который под видом обеспечения безопасности проводил спецоперации по уничтожению евреев, коммунистов и цыган на территории Крымского полуострова; был осужден на Нюрнбергском процессе как военный преступник. В новелле Клюге Хайдеггер ведет с ним долгие беседы, в которых философские размышления переплетаются с обсуждениями вопросов, близких Олендорфу и связанных с оптимизацией процесса устраиваемых им экзекуций.

В дружеском разговоре, пытаясь вразумить Хайдеггера, Олендорф пускает в ход даже ницшевский аргумент: «При каждом шаге следует спрашивать себя: готов ли я рисковать ради этого жизнью? Хочу ли я, чтобы эта сцена, в центре которой я нахожусь в действии, повторялась до бесконечности? Буду ли я ее и тогда желать?» (Клюге 2004: 205). Альтернатива довольно жесткая, но философ не хочет сдаваться. Он испробует все возможные средства и в конечном счете находит выход, решая учредить на полуострове «центр нового мышления» (намек на «лагерь науки», который Хайдеггер в бытность свою ректором стремился организовать в лесах Шварцвальда). Казалось бы, он впервые отваживается на существование в модусе подлинности; другое дело, что при этом им движут отнюдь не гуманные чувства: «Во время долгого пешего марша к побережью я уверился, что порываю с прежней жизнью, не возвращаюсь на родину, а буду сопровождать движение войск по земному шару. В этом походе я могу оставить при себе свою “живую добычу”. Я знаю, обратив взгляд внутрь себя, что я неподвластен жалости. Я хочу не защищать, я хочу обладать этим живым существом» (Клюге 2004: 203).

Хайдеггеровская мысль о бездомности человека в современном мире приобретает в кривом зеркале повествования карикатурные очертания. Германия с ее государственной машиной, для которой закон как формальный принцип превыше всего, видится герою рассказа страной мира, далекой от пограничной ситуации войны, в которой только и высвечивается условность любых человеческих установлений. Персонажа Хайдеггера, наскочившего на невидимую стену при переходе из военного состояния в мирное, осеняет откровение об онтологической заброшенности человека. Отсюда и желание остаться в Крыму, который в его воображении предстает местом зазора между бытием и небытием, или «местом невозможного», где возможно всё. Однако намерениям Хайдеггера не суждено было сбыться: девочку тайно увезли, а его самого силой принудили сесть в самолет, уносящий научный десант обратно на родину: «Воля философа, похоже, никого не волнует. Мог ли бы ученый обеспечить невозможное? Мог ли бы он вмешаться? <...> Философ чувствует себя лишенным своего достоинства. В его руках ничего, кроме маленького чемоданчика. Если бы у него был хотя бы рюкзак. Фриги нет, фрагмент (табличка Гераклита. – О. К., Е. К.) спрятан в бараке. При себе у него только и есть что мысли, на которые нет практического спроса. В 1942 году он начинает курс лекций о Гераклите» (Клюге 2004: 209-210).

Сарказм Клюге обнаруживает себя в том, что его герой, находясь в средоточии экстраординарных событий, вместо того чтобы стать оплотом разумности, сам оказывается максимально оторванным от действительности. Мышление Хайдеггера, покушаясь на преграды, устанавливаемые рациональностью, заводит его в мир иллюзий, отчего и его политико-онтологические проекты в художественном преломлении Клюге выглядят малосостоятельными.

XI. Однако в реальной жизни растерянность Хайдеггера после войны длилась недолго. Уже в конце 40-х гг. он выступает с серией докладов пе-

ред весьма уважаемым обществом крупных коммерсантов и судовладельцев. В числе самых известных из этих речей – «Вещь» и «Постав». Последняя позднее легла в основу знаменитой статьи «Вопрос о технике» (1954), где проблема технизации мира получила новое освещение (прозвучавшую в устной версии фразу, в которой механизация сельского хозяйства приравнивалась к конвейеру смерти в концлагерях и производству водородных бомб, автор исключил из печатного текста). «Постав» впервые был прочитан в так называемом Бременском клубе сразу вслед за «Вещью»; выступления сопровождались настолько громким успехом, что Баварская академия изящных искусств, несмотря на запятнанную репутацию философа, пригласила Хайдеггера в Мюнхен, чтобы повторить их там перед более взыскательной аудиторией. Русский читатель начал свое знакомство с творчеством Хайдеггера только в 1986 г. (все прежде переведившиеся тексты предназначались для малотиражных изданий, оседавших исключительно в спецхранах), и одной из первых работ, появившихся на страницах Историко-философского ежегодника, тоже стала «Вещь». Интерес к запрещенному в Советском Союзе мыслителю вызвал на волне перестройки публикационный бум. Если на Западе к тому времени уже вполне сложилась традиция истолкования хайдеггеровских сочинений, то у нас освоение его духовного наследия только-только зарождалось¹.

Статьи, посвященные Хайдеггеру, служили своего рода введением в его философию: порой они воспринимались не в качестве комментария к переводу, а наравне с оригиналом. Иной раз, развивая какую-нибудь тему, исследователь привлекал интуиции Хайдеггера, невольно перенимая его стиль. Очерк Владимира Николаевича Топорова «Апология Плюшкина: вещь в антропологической перспективе» (1986) в этом отношении показателен. С одной стороны, автор, поднимая вопрос о среднем, посредническом статусе вещи, соединяющей человека с Богом, не может обойти своим вниманием хайдеггеровский доклад, с другой – немецкий первоисточник получает здесь не просто обобщающее описание, но развернутую интерпретацию, для чего задействуются и прочие произведения философа, как переведенные, так и неперевоенные. Осмысление текста Топорова и приобщение через него к позднему Хайдеггеру составляют рамочную конструкцию стихотворения «Вещи» (1997) русского поэта Бахыта Кенжеева. Лирическое настроение, которое не способна заглушить присутствующая в стихах явная самоирония, создается за счет меланхолического созерцания нелепых безделушек (столь же ничтожных, как и добро Плюшкина), которые тем не менее дороги герою, поскольку хранят отпечатки памяти. Это и склеенные глиняные фигурки драконов, и советский портсигар, и утратившие в новых реалиях свою ценность двухкопеечные монеты, и неуклюже сочетающая христианскую веру и

---

¹ Сегодня в русском переводе доступно весьма значительное число хайдеггеровских трудов, включая два первых тома «Черных тетрадей». Ситуация с освоением наследия Хайдеггера в нашей стране серьезно изменилась, однако по-прежнему силен неопитский дух. Об опасности некритического отношения к идеям мыслителя см.: (Инишев 2018).

технический прогресс иконка-голограмма, и чугунный бюстик Ленина, и изваяние Пушкина с отбитыми носками сапог. Весь этот хлам – своего рода резонатор памяти, и именно в таком качестве он обретает у поэта метафизическое измерение.

Недавно я прочел у Топорова,
что главное предназначение вещей –
веществовать¹, читай, существовать
не только для утилитарной пользы,
но быть в таком же отношенье к человеку,
как люди – к Богу². Развивая мысль
Хайдеггера, он пишет дальше,
Что как Господь, хозяин бытия,
Своих овец порою окликает,
Так человек, – философ, бедный смертник,
Хозяин мира – окликает вещи.
Веществуйте, сокровища мои...³

Сложившаяся сама собой трехчастная структура (Хайдеггер – Топоров – Кенжеев) оказывается достаточно продуктивной в плане эпистемологического приращения смыслов. Так, отсутствующий у Хайдеггера мотив памяти, для которой вещь в своей израненности временем выступает материальным носителем, лишь намечается у Топорова в виде отсылки к голевскому типуажу, тогда как в стихотворении Кенжеева принимает вполне законченную форму. Субстанция памяти в принципе имеет свойство ускользать от аналитического схватывания. Ей больше присуще разворачиваться в модусе сиюминутного ритуального либо интимного переживания. И в этом плане поэзия предстает мемориальной техникой, своеобразной практикой незабывания.

XII. Иногда лирика и память не просто отражают друг друга, а сливаются до полной неразличимости, и лучшим образчиком такого единства является творчество Пауля Целана – поэта, вдохновленного и восхищенного философией Хайдеггера. Исторический эпизод их первой встречи, после которой осталось стихотворение «Тодтнауберг» (1967), оброс легендами. Породив бесчисленное количество версий прочтения этого целановского шедевра, повлекших за собой череду горячих споров в среде и литературоведов, и философов, он не мог не найти отклика в художественной

---

¹ Ср. у Хайдеггера: «Из веществования вещи сбывается и впервые определяется присутствие такого присутствующего... Вещь веществует. Веществуя, она дает пребывать земле и небу, божествам и смертным; давая им пребывать, вещь приводит этих четверых к их далям взаимной близости» (Хайдеггер 1993а: 323).

² Ср. у Топорова: «Осознав, что вещь не исчерпывается видимой человеком сутью и что она может быть увидена в сверх-человеческой перспективе, где она ответственно предстает как своего рода сверх-вещь, в свете Божьего взгляда раскрывающая иную свою глубину, человек должен довериться вещи, т. е., если угодно, открыть ей свою сущность в надежде, что она введет его в свои глубины, хотя бы мыслимые» (Топоров 1995: 15).

³ (Кенжеев 2004: 101).

прозе¹. Пожалуй, наиболее целостным выглядит то воссоздание событий, которое было предложено Гюнтером Грассом в его эпохальной книге «Мое столетие» (1999). Каждая из ста глав в ней, посвященная одному году XX в., – яркая зарисовка, в которой от имени вымышленных или реальных персонажей, знаменитых или рядовых, запечатлевается через обсуждение злободневных проблем Германии протекание самого времени. Встреча Хайдеггера с Целаном, на которой предьявляется счет прошлому, становится у Грасса символическим предзнаменованием будущего – 1968 года, года студенческой революции, отмеченного жаждой обновления. Повествование ведется от лица стареющего преподавателя немецкой словесности, который по прошествии тридцати лет пытается отыскать мотивы своих поступков: сперва он бежит из охваченного молодежным бунтом Берлина в тихий Фрайбург, «в поисках близости к великому шаману» (Грасс 2009: 217), а затем, отринув спокойствие академической жизни, отдалившей рассказчика от назойливости происходящего «на онтологическую дистанцию», – снова возвращается в вихрь мятежных событий, во Франкфурт.

Чтобы дать максимально полную картину того, как случилось личное знакомство Хайдеггера с Целаном, Грасс делает своего героя «свидетелем той сложной конфронтации», а собственно, отводит ему роль ассистента при профессоре германистики Герхарте Баумане, организаторе поэтического вечера во Фрайбургском университете. Реальным прототипом персонажа Грасса выступил Герхард Нойман – единственный человек, который действительно сопровождал Целана при посещении Тодтнауберга. По всей вероятности, в своем изложении этой истории писатель целиком полагается на воспоминания Баумана, изобилующие подробностями организации чтений Целана, деталями поездки, а также выдержками из доверительных бесед с обоими главными участниками (Baumann 1986). Итак, общая мизансцена 24 июля 1967 г., которую рассказчик воскрешает в памяти: «...поэт, выздоровев после длительной болезни, прибыл в Фрейбург и, преодолев начальные колебания, прежде чем усладить нас торжественным чтением своих стихов, все же согласился встретиться с философом, чье сомнительное прошлое внушало ему недоверие. Но видеть себя на общей фотографии с Хайдеггером Пауль Целан не пожелал. Потом, правда, он согласился и на это, но для фотографического изображения памятной встречи уже не осталось времени» (Грасс 2009: 220).

Накануне визита герой обходит книжные магазины Фрайбурга с просьбой выставить книги Целана. «По желанию философа все тома стихов поэта должны были занять в витрине достойное место. И глянь-ка: от раннего сборника “Мак и память” до “Решетки языка” все выглядело недостижимо и в то же время доступно; даже дополнительные тиражи и те благодаря моим усилиям можно было наблюдать без помех.

Вот почему именно я оказался тем, кому дозволено было на утренней заре следующего дня, когда предполагалось прибытие поэта в Шварцвальд,

¹ Подробный анализ стихотворения и предшествовавших ему обстоятельств встречи, а также основные стратегии интерпретации «Тодтнауберга» приводятся в статье: (Коваль, Крюкова 2020).

где его поджидала хижина философа, все тщательно подготовить. Но Целана снова оттолкнуло поведение философа в мрачные годы; по слухам, цитируя себя самого, он обозвал его “Мастером из Германии”¹, и тем, пусть даже косвенно, завел речь о смерти. Так что нельзя было предугадать, примет ли он это приглашение. Поэт долго колебался, изображая неприступность.

А мы выехали ранним утром, хотя над нами свинцово нависало серое небо. После посещения хижины и того достопамятного разговора – или молчания, при котором никто – даже я и то нет – не должен был присутствовать, – состоялась встреча в Санкт-Блазиен, где нас приютило одно кафе. Казалось, все в полном порядке. А поэту явно пришлось теперь по душе мыслитель. Вскоре оба очутились на дорожке к Хорбахской трясине, от восточного края которой все мы брели по гати, выложенной из круглых бревен. Но, поскольку погода оставалась такой же неприятной, а обувь поэта была слишком городской или, как он заметил, “недостаточно сельской”, прогулка вскоре была прервана, после чего мы в каком-то заброшенном уголке некоего трактира не без приятности вкусили наш обед. Нет, нет, никаких злободневных разговоров; скажем, беспорядки в Берлине и недавно преданная гласности смерть одного студента не стали нашей темой, напротив, речь шла о растениях, причем выяснилось, что поэт знает столько же, если не больше названий, чем мыслитель. Вдобавок Пауль Целан умел назвать ту либо иную травку не только на латыни, но и по-румынски, венгерски и даже на идиш» (Грасс 2009: 220-221).

...недо-
торённые, лесом
поваленным тропы в топях,

сыро,
сиро².

Описывают ли заключительные строки «Тодтнауберга» размытую дорожку и проложенные в ней мостки или фиксируют разочарование Целана – вопрос открытый. Даже грассовский рассказчик, которому посчастливилось находиться в самом эпицентре этого происшествия, может лишь выдвигать гипотезы о содержании судьбоносного разговора, состоявшегося с глазу на глаз. И для него стихотворение Целана обладает большей реальностью, нежели какие бы то ни было доподлинные свидетельства. Оттого и он склонен искать главное в поэтическом отражении, а не в отображаемой фактичности. Восстановив перед слушателями своего семинара исторические обстоятельства, герой тем не менее предлагает воспринимать в качестве первоисточника именно стихи: «Так, к примеру, арника, эрудитами называемая также очанка, допускает разнообразные толкования. И весьма символичен колодец перед хижинкой с многозначительной звездочкой на нем.

¹ Отсылка к «Фуге смерти» (1948) Целана, ставшей поэтическим манифестом от лица жертв Холокоста, где «мастер из Германии» – олицетворение смерти.

² (Целан 2008: 237).

К тому же на центральном месте, так сказать, как сердцевина, находится та, упомянутая в стихотворении книга для гостей, куда поэт внес свое имя с робким вопросом “чи имена приютила она до меня?”, выразив при этом надежду на “грядущее слово мыслителя в сердце его”, причем еще раз следует упомянуть, что слова, заключенные в скобки, а именно “незамедлительный приход”, впоследствии стертые поэтом, служили доказательством настойчивости его желания, которому, как нам известно, не суждено было сбыться. Но о чем еще мог идти – или не мог зайти – разговор в хижине, нам неизвестно, остается лишь строить предположения, но угадать нельзя, и тем самым, рана остается открытой...

Примерно в таком духе я обращался к своим студентам, не выдавая им... как часто в мыслях своих я рисовал себе этот предполагаемый разговор в хижине, ибо между бесприютным поэтом и “Мастером из Германии”, между евреем с невидимой глазу желтой звездой и бывшим ректором Фрейбургского университета с круглым и точно так же стертым партийным значком, между поименователем и умалчивателем, между выжившим, неустанно объявляющим о своей смерти, и провозвестником Бытия и Бога грядущего Несказанное должно бы отыскать необходимые слова, но так и не нашло ни единого.

И это молчание продолжало молчать» (Грасс 2009: 222-223).

В своем амплу летописца Грассу удалось сохранить верный тон, не впадая в откровенно издевательскую несдержанность насчет Хайдеггера, зачастую приписываемую его симпатиям Франкфуртской школе и не раз прорывающуюся в других произведениях¹. (Даже символом года собственного рождения Грасс, несмотря на давнюю неприязнь к маститому философу, выбирает выход «Бытия и времени», правда, характеристику дает нелестную: «...книга, которая появилась на книжном рынке, благородно украшенная словами, после чего каждый сопливый фельетонист из развлекательного отдела начал хайдеггерничать на свой лад» (Грасс 2009: 88-89).) Целан, покоренный мыслью Хайдеггера, но знающий о его прошлом, разрывается между желанием сблизиться и, одновременно, стремлением отдалиться. Эта амбивалентность его отношения иллюстрируется специалистами чаще всего на примере «Тодтнауберга». Однако есть еще один поэтический текст, проливающий свет на душевное состояние Целана. Речь идет о стихотворении «Ларго», сочиненном поэтом 9 февраля 1968 г.,

¹ Чего стоит только сцена из романа «Собачьи годы» (1963), где протагонист, пытаясь застать Хайдеггера в его фрайбургском доме, всякий раз обнаруживает записку: «Вязаная шапочка ушла на лыжах в горы», а поднимаясь в тодтнаубергскую хижину – другую: «Шапочка спустилась в долину почитать Платона», и так семь раз: «И снова с горних высей надежды провал в жутчайшие бездны бесприютного самоналичия, поскольку внизу, в долине, на квадратном листке возле садовой калитки до боли знакомый почерк доверительно нашептывает: “Вязаная шапочка, как и все истинно великое, противостоит бурям”, а сверху, освеженный метелью, Матерн читает: “Вязаная шапочка призвана внизу расчищать пути-дороги”» (Грасс Г. 2008: 483). Этот роман упоминается у Томэ, а последствия изображения Хайдеггера в таком уничижительном виде приводит Сафрански, см: (Thomä 2003: 511; Сафрански 2002: 551-552).

спустя полгода после описанной встречи. Само его название настраивает читателя на торжественно-печальный лад, в котором выдержаны все строки вплоть до последней:

Равнодушно ты пересекаешь пустошь, Наэ:

большие-
чем-
смерть лежим
мы рядом, без-
временник колышется
у тебя под веками

пара черных дроздов висит
около нас, под
нашими, тянущимися вверх
белыми

мета-
стазами¹.

Обращение к реке Наэ и чувство сродства с ней – лишь верхний, внешний слой рисуемого Целаном inferнального пейзажа. То, что адресатом речи поэта является Хайдеггер, становится очевидным почти сразу². Первая строка в оригинале звучит так: *Gleichsinnige du, heidegängerisch Nahe*. Название реки отсылает к одному из наиболее употребительных хайдеггеровских терминов – *Nähe*, «близость» (игрой близости и дали философ демонстрирует постоянное соседство бытия, которое при всем том не распознается рассудком). Неологизм *heidegängerisch*, в котором можно слышать имя мыслителя, образован из двух слов: *Heide* переводится как «пустошь» или «степь», если оно снабжено артиклем женского рода, либо же – в случае мужского рода – как «язычник» (нередкая характеристика Хайдеггера ввиду его увлеченности Древней Грецией); существительное *Gänger* – эквивалент русского «пешеход», «странник». Эпитет *gleichsinnig* означает как «равнодушный», так и «единодушный»: этим определением лирический герой подчеркивает двойственность своего переживания. В целом фраза складывается примерно в следующее обращение к спутнику: «По умонастроению такой же, шагаешь ты в хайдеггерово-непосредственной близости».

Изобретая слово *über-sterbens-groß*, которое можно передать выражением «настолько огромный, что превышает саму смерть» (или «за чертой смертности»), Целан даже его разбивкой намекает на хайдеггеровское *Sein-zum-Tode*, но стремится еще более усилить момент запредельности того

---

¹ (Celan 2000: 356).

² Теоретики литературы делают самые разные предположения, гадая, кто может скрываться за целановским «ты». Мнения, что здесь имеется в виду именно Хайдеггер, придерживается и видный польский литературовед Ядвига Кита-Хубер: (Kita 2002: 333-336).

опыта, который преодолевает и бытие-к-смерти. Без-временник, *die Zeitlose*, – типичное для целановской поэзии заимствование из лексикона ботаники – при апелляции к Хайдеггеру приобретает дополнительный смысл: пространство, в котором поэт заговаривает с философом, находится за пределами времени, а следовательно и за пределами бытия. Последняя вокабула стихотворения – *Meta-stasen* – придает смерти динамичный характер расширения (или, если перефразировать Хайдеггера, характер «заступания в жизнь») и тем самым окружает весь текст аурой ее незримого, но настоящего присутствия. «Ларго», прочитываемое в качестве посвящения Хайдеггеру¹, можно расценивать как своеобразный упрек философу, который, будучи окликнут для разговора (первоначально вместо *gleichsinnige* Целан написал *anredsam gebliebene*, «оставшийся тем, к кому обратились, с кем заговорили»), в свою очередь, замкнулся в молчании, не выступив публично против идеологии фашизма, на что надеялся поэт. Пустынный ландшафт, изображаемый в стихотворении, символизирует потусторонность беспмятной мысли, которая в своем бытии-за сама стала за-быванием бытия.

XIII. Приготовлением собственной смерти, вернее бессмертия, Хайдеггер озаботился заранее. Еще за год до встречи с Целаном он дал интервью журналу «Шпигель» – правда, при условии, что оно будет обнародовано лишь после его кончины. Хотя философ замыслил беседу с журналистами как духовное завещание, она не оправдывает возлагавшихся на нее ожиданий. Интервью вызывает разочарование во многом потому, что не содержит – как полагалось бы последнему слову – ни внятных разъяснений касательно причастности к национал-социализму, ни признания своих политических заблуждений, ни осуждения случившегося в период власти Гитлера. История ректорства предстала в интерпретации Хайдеггера аполгией самоотверженности философа: факты из личной биографии подавались в этой публикации как сопротивление режиму, но не как соучастие в нем. Не последнюю роль в затушевывании столь «горячей» для прессы темы сыграли и интервьюеры, чье прошлое в этом отношении тоже было небезупречным. Для разговора с мыслителем в тодтнаубергскую хижину прибыли главный редактор «Шпигеля» Рудольф Аугштайн, некогда служивший лейтенантом вермахта, и Георг Вольф, его правая рука, возглавлявший в журнале отдел гуманитарных наук, а во время войны носивший звание хауптштурмфюрера СС².

Пожалуй, наиболее запоминающейся деталью репортажа стали фотографии, сделанные Дигной Меллер-Маркович. Самому Хайдеггеру они понравились настолько, что через два года он еще раз пригласил молодую

¹ Итальянское слово *largo*, когда оно выступает в предложении существительным, имеет смысл простора, открытого пространства, что соответствует у позднего Хайдеггера субстантивированному глаголу *Räumen*, который вместе с *Zeitigen* (временение) образует координаты бытийного хронотопа. Ср., например: «Простор есть высвобождение мест, вмещающих явление бога, мест, покинутых богами, мест, в которых божество долго медлит с появлением» (Хайдеггер 1993d: 314).

² См. на эту тему увлекательную книгу Лутца Хахмайстера, которая, по авторскому определению, является «биографией одного интервью»: (Nachmeister 2014).

женщину приехать в Шварцвальд для фотосъемки. Ему хотелось оставить для потомков именно такой образ себя. Благочестивый мудрец не от мира сего, каким он предстает на фотографиях, кажется, не способен вызвать ничего, кроме умиления. Однако под язвительным взглядом Томаса Бернхарда, великого обличителя немецкой и австрийской официальной культуры, философ на этих нарочито фальшивых снимках теряет какую бы то ни было привлекательность. Когда герой его романа «Старые мастера» (1985), написанного в жанре монолога, почти не прерываемого ни событиями, ни репликами других персонажей, раздражается неудержимой бранью в адрес Хайдеггера, создается ощущение, что столь гипертрофированное критиканство – намеренный писательский прием, призванный эпатировать публику. Это впечатление подкрепляет и изобилие выпадов Бернхарда против внешнего вида мыслителя; он вновь и вновь обращается к странной одежде, которую тот предпочитал носить: «У меня сохранилась фотография, которая выглядит сегодня разоблачительным документом: Хайдеггер в своих поношенных бриджах снят на фоне псевдокрестьянского рубленого дома в Тодтнауберге, на голове у этого философствующего обывателя красуется шварцвальдский колпак, прикрывающий собой хайдеггеровское немецкое скудоумие, сказал Регер» (Bernhard 1985: 89)¹.

Однако гнев писателя вовсе не наигран: он искренне возмущен той иконой, которую Хайдеггер сознательно творит, тщательно редактируя свой образ для будущих поколений. О том, что Бернхард ознакомился с интервью в «Шпигеле», говорит следующий пассаж из филиппики, вложенной в уста Регера, протагониста романа: «Хайдеггеровское философское капище находилось в Тодтнауберге, там он и принимал ритуальные почести, будучи чем-то вроде священной коровы. Даже один из самых известных и грозных северогерманских издателей запечатлен здесь коленопреклоненным и с широко открытым ртом, будто в ожидании святого причастия от Хайдеггера, восседающего при свете заходящего солнца на своей скамеечке. Все эти люди, совершая паломничество в Тодтнауберг к Хайдеггеру, становились посмешищем. Они прибывали в шварцвальдское философское святилище, восходили на хайдеггеровскую вершину и падали ниц перед своим кумиром» (Bernhard 1985: 94-95).

Но в распоряжении Бернхарда явно не только иллюстрации из «Шпигеля». Хотя они очень запоминающиеся, для журнальной публикации их много не требовалось. Гораздо более впечатляющая серия, на которой Хайдеггер в своей деревенской повседневности предстает в самых выгодных ракурсах, возникла именно во второй приезд Меллер-Маркович. Их-то и рассматривает писатель: «...на этих снимках Хайдеггер ложится в кровать или встает с кровати, спит или просыпается, надевает кальсоны и носки, пьет ягодный сок, выходит из своего рубленого дома, оглядывает горизонт, вырезает себе палку, напяливает свою шапочку, снова ее снимает, держит ее в руках, сидит, расставив ноги, поднимает голову, опускает голову, бе-

¹ Здесь и ниже текст Бернхарда дается в переводе Б. Хлебникова, см.: (Бернхард 1995).

рет своей правой рукой левую руку жены или жена берет своей левой рукой правую руку мужа; он вышагивает перед домом, уходит за дом, приближается к дому, удаляется от дома, читает, ест, хлебная ложкой суп, отрезает лодку (самодельного) хлеба, открывает (собственную) книгу, закрывает (собственную) книгу, нагибается, потягивается и так далее, сказал Регер. Тошно становится» (Bernhard 1985: 93-94).

Такое враждебное отношение австрийского автора к Хайдеггеру распространяется в равной степени и на его внешний облик, и на моральную ущербность, и на его интеллектуальное наследие: «...мне было в нем отвратительно абсолютно все, а не только ночной колпак, шерстяные подштанники домашней вязки или собственноручно протопленная печь в Тодтнауберге и собственноручно вырезанная палка для прогулок по шварцвальдским окрестностям; под стать подобным самоделкам была и его доморощенная философия; все в этой трагикомической фигуре было мне отвратительно и отталкивало меня, стоило мне лишь подумать о ней; мне достаточно было прочесть единственную хайдеггеровскую фразу, чтобы почувствовать отвращение, сказал Регер; я всегда считал Хайдеггера шарлатаном, который живет за чужой счет, нежась себе под солнышком на своей скамеечке перед домом в Тодтнауберге» (Bernhard 1985: 92).

XIV. Если судить по Бернхарду, то хитроумный план Хайдеггера провалился. Вероятно, многие современники питали недоверие к показной праведности прославленного ученого, которая так возмутила писателя. Реакция другого автора, американца Уолтера Абиша, может быть, не такая резкая, как у Бернхарда, но не менее насмешливая. В своем романе «Сколь это по-немецки» (1980) Абиш выводит Хайдеггера в образе Эрнста Брумхольда, «величайшего со времен Гегеля» мыслителя: «...старый Брумхольд все еще преподавал философию после вынужденного периода праздности, результата слишком многих опрометчивых речей, произнесенных в 30-е и в начале 40-х, речей, касавшихся ответственности граждан перед Новым Порядком. Бедный Брумхольд. Стоило ему отвлечься от абстрактных теорий и довести свою мысль до переполненных студентами лекционных залов, как идеи, которые он стремился выразить, пришлось подкрепить утверждениями вроде: Мы полностью порвали с лишенным почвы и бессильным мышлением. Но со временем пошлость тех выступлений Брумхольда оказалась забыта. Его студенты были от него без ума, лекционные залы всегда переполнены. Иногда в похожей на пещеру, пронизываемой сквозняками аудитории набиралось до четырех сотен слушателей, внимавших учению Брумхольда о смысле вещи. Он знал, как приковать их внимание. В глубине души он был превосходным артистом» (Абиш 2000: 176).

В самом повествовании прототип Хайдеггера фигурирует, правда, лишь косвенно, по большей части становясь предметом обсуждения в разговорах персонажей. Географическим пунктом для многопланового сюжета выбран провинциальный городок, который еще при жизни философа был переименован в его честь и стал называться Брумхольдштейном. Немаловажной деталью является и то обстоятельство, что возведен он на месте бывшего концлагеря. Главные герои романа – два брата Харгенау, писатель

и архитектор, – выстраивают весьма различающиеся жизненные маршруты в быстроменяющихся реалиях новой Германии. Литератор Ульрих, мечущийся в поисках собственной идентичности, в мыслях все время возвращается к двум печальным примерам из прошлого семьи: к судьбе отца, участвовавшего в так называемом заговоре генералов и казненного за покушение на Гитлера, и к опыту своей бывшей жены, находящейся в розыске за организацию нескольких терактов, направленных на подрыв нынешнего режима страны. Его брат Хельмут – успешный архитектор, идущий в ногу со временем: он берет от жизни все, ничуть не терзаясь угрызениями совести. Их противостояние выражается среди прочего и в том, как они относятся к Брумхольду. Читая спустя неделю после смерти философа интервью, в котором безошибочно угадывается материал, напечатанный в «Шпигеле», Ульрих ловит себя на том, что испытывает смешанные чувства: «Как всегда настороже, Брумхольд, парируя вопросы о возрождении фашизма и о нигилистической тактике репрессий в разворачивающейся в современном городе партизанской войне, повторял, что он не вправе судить о подобных предметах. Я живу, твердил он, в бревенчатой хижине, которую много лет тому назад построил в лесу. Лес, по крайней мере по соседству, ничуть не изменился. Я живу просто. У меня нет ни радио, ни телевизора. У меня осталось мало времени, и я стараюсь тратить его, размышляя о действительно важном» (Абиш 2000: 346).

С одной стороны, Ульриха восхищает отрешенность и уединенность жизни философа, с другой – он понимает, что такая оторванность столь значительной личности, к мнению которой прислушиваются многие, оказывается на поверку удобной позицией уклониста. Хельмут, напротив, произнося речь на торжественной церемонии памяти Брумхольда, в своей самоуверенности не замечает, что, впадая в патетический тон, подражает ходу рассуждений Хайдеггера и невольно разоблачает их демагогичность, эзотеричность, национализм: «...будучи немцами, мы находимся ближе к пониманию Брумхольда, скорее способны уловить, что же он понимает под *Dasein*, ибо очная ставка великого философа с понятием *Dasein*, или “Бытие”, принимала наиболее осязаемые, наиболее близкие к пониманию формы, когда он, Брумхольд, мысленно или в действительности, странствовал по дремучему лесу, своему излюбленному лесу, лесу – я должен подчеркнуть, – который был и остается нам духовно близким. <...> ...это немецкий лес как таковой, населенный нашим духом, нашими идеалами, нашим культурным прошлым, нашей поэзией, нашей истиной. <...> Разумно предположить, что разобраться в велеречивых писаниях Брумхольда, величайшего немецкого философа нашей эпохи, может лишь тот, кто с раннего детства говорит по-немецки. Следует также указать, что, хотя Брумхольд явно имел в виду некое вполне универсальное *бытие*, из его метафизических поисков, из его размышлений, из его напряженной разработки немецкого языка возникают очертания *бытия*, которые невозможно отделить от чисто немецкой страсти к точности и абстрактности... <...> Итак, подведу итог: чтобы понять Германию, необходимо, важно говорить, читать и думать на нашем родном языке. На том языке, которым Брумхольд, наш великий Брумхольд, сидя за выдавшим виды дубо-

вым письменным столом у себя в хижине среди Черного леса, пользовался каждый день, дабы охарактеризовать внутренние устои культуры, на долю каковой, давайте взглянем правде в лицо, испокон веку выпадало куда больше невзгод, чем она того заслуживала» (Абиш 2000: 350-351).

И хотя Хайдеггер в своих мечтах о посмертной славе едва ли заходил так далеко, описанная Абишем сцена открытия мемориальной доски в городе, названном именем философа, не выглядит малореалистичной. Художественная литература, в объектив которой так или иначе попали главные этапы хайдеггеровской биографии, остается при всей своей фиктивности и произвольности весьма правдивым зеркалом. Возможно, именно пространство литературы, не склонной сглаживать углы, но в то же время отдающей должное уникальности мышления, позволяет ясно увидеть те противоречия, которые уживались в Хайдеггере: ум выдающегося философа – и изворотливость мелкого человека, революционный запал обновления – и слепую приверженность патриархальности, превознесение метафизики – и претензию на ее окончательное преодоление, упор на индивидуальности экзистенциального проекта – и уверенность в национальной избранности немецкого народа, антирелигиозный пафос – и сакрализацию бытия. Задолго до издания компрометирующих документов художественное слово начало сигнализировать об опасности того, что «величайшая мысль может пойти как таковая навстречу величайшему ужасу» (Лиотар 2014: 99), акцентируя тем самым насущность продумывания этой возможности для философии.

* * *

Большая литература избегает морализаторства, поскольку предоставляет совершать выбор самому: можно отмахнуться от несерьезности, исходящей от мира вымысла, а можно прислушаться к той нетоталитарной истине, которую он порождает. Польская поэтесса Вислава Шимборская, вовсе не имея в виду Хайдеггера, делает в своем стихотворении «Три слова престранных» (2002) тонкое наблюдение, касающееся языка, который в конечном итоге сумел провести философа, тщательно выверявшего свой терминологический инструментарий:

Когда произносишь слово «будущее»,
первый слог уже отошел в прошлое.

Когда произносишь слово «молчание»,
нарушаешь его.

Когда произносишь слово «ничто»,
утверждаешь нечто, которого ни в каком ничто быть не может¹.

Поэзия расставляет свои акценты. Будущее – это не темпоральная перспектива, а осуществляющееся настоящее, помнящее о прошлом. Молчание – не многозначительное умолчание, а приглашение к диалогу. Ничто – не приговор бытию, а то, что еще ожидает своего наполнения бытием.

---

¹ (Szymborska 2010: 336).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Абиш У. 2000. Сколь это по-немецки // У. Абиш. Сколь это по-немецки : рассказы, роман. Санкт-Петербург : Симпозиум. С. 155-447.
- Бернхард Т. 1995. Старые мастера // Альманах немецкой литературы. Москва : Медиум. Вып. 5. С. 5-208.
- Грасс Г. 2008. Собачьи годы. Санкт-Петербург : Амфора. 736 с.
- Грасс Г. 2009. Мое столетие. Санкт-Петербург : Амфора. 350 с.
- Елинек Э. 2009. Гора мертвецов. Москва : АСТ : Астрель. 192 с.
- Елинек Э. 2010. Облака. Дом. // Э. Елинек. Посох, палка и палач. Москва : АСТ : Астрель : Полиграфиздат. С. 172-250.
- Инишев И. 2018. Хайдеггер и российское философствование: продуктивность дистанции // HORIZON. Феноменологические исследования. Т. 7, № 2. С. 546-553.
- Кенжеев Б. 2004. Вещи // Б. Кенжеев. Невидимые : стихи. Москва : ОГИ. С. 100-102.
- Клюге А. 2004. Хроника чувств. Москва : Новое лит. обозрение. 392 с.
- Коваль О., Крюкова Е. 2020. «Тодтнауберг» Целана: попытка разговора между философией и поэзией // Вестник Томского государственного университета. Серия: Филология. № 64. С. 196-219.
- Лаку-Лабарт Ф. 1999. Хайдеггер: поэтика и политика // Логос. № 2. С. 112-140.
- Лиотар Ж.-Ф. 2014. Хайдеггер и «евреи». 2-е изд., испр. Санкт-Петербург : Machina. 206 с.
- Никифоров О. 2001. Мартин Хайдеггер: материалы к политической биографии героя // Авто-био-графия. К вопросу о методе. Тетради по аналитической антропологии. № 1 / под ред. В.А. Подороги. Москва : Логос. С. 344-386.
- Сафрански Р. 2002. Хайдеггер: германский мастер и его время. Москва : Молодая гвардия. 614 с.
- Топоров В.Н. 1995. Апология Плюшкина: вещь в антропологической перспективе // В.Н. Топоров. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического : избранное. Москва : Прогресс. С. 7-111.
- Уэйт Дж. 1991. Политическая онтология // Философия Мартина Хайдеггера и современность / под ред. Н.В. Мотрошиловой. Москва : Наука. С. 188-214.
- Хайдеггер М. 1993а. Вещь // М. Хайдеггер. Время и бытие : статьи и выступления. Москва : Республика. С. 316-326.
- Хайдеггер М. 1993б. Время картины мира // М. Хайдеггер. Время и бытие : статьи и выступления. Москва : Республика. С. 41-62.
- Хайдеггер М. 1993с. Европейский нигилизм // М. Хайдеггер. Время и бытие : статьи и выступления. Москва : Республика. С. 63-176.
- Хайдеггер М. 1993д. Искусство и пространство // М. Хайдеггер. Время и бытие : статьи и выступления. Москва : Республика. С. 312-316.
- Хайдеггер М. 1993е. Самоутверждение немецкого университета / пер. с нем. А.В. Михайлова // М. Хайдеггер. Работы и размышления разных лет. Москва : Гнозис. С. 222-231.
- Хайдеггер М. 1993ф. Творческий ландшафт: почему мы остаемся в провинции? // М. Хайдеггер. Работы и размышления разных лет. Москва : Гнозис. С. 218-221.
- Хайдеггер М. 2011. Гераклит. Санкт-Петербург : Владимир Даль. 504 с.
- Целан П. 2008. Тодтнауберг // П. Целан. Стихотворения. Проза. Письма / под общ. ред. М. Белорусца. Москва : Ад Маргенем Пресс. С. 236-237.
- Яндль Э. 2009. наплаврение // Зарубежная поэзия в переводах Вячеслава Куприянова : сборник с параллельными немецкими оригиналами / сост. В.Г. Куприянов. Москва : Радуга. С. 397.

- Baumann G. 1986. Erinnerung an Paul Celan. Frankfurt-am-Main : Suhrkamp. 143 S.
- Bernhard Th. 1985. Alte Meister. Frankfurt-am-Main : Suhrkamp. 310 S.
- Celan P. 2000. Largo // P. Celan. Gesammelte Werke in sieben Bänden. Zweiter Band. Gedichte II / Hrsg. von B. Allemann, St. Reichert, unter Mitwirkung von R. Bücher. Frankfurt-am-Main : Suhrkamp. S. 356.
- Hachmeister L. 2014. Heideggers Testament. Der Philosoph, der Spiegel und die SS. 2. Aufl. Berlin : Propyläen. 368 S.
- Heidegger M. 1989. Gesamtausgabe. Bd. 65: Beiträge zur Philosophie (Vom Ereignis). Frankfurt-am-Main : Vittorio Klostermann. 521 S.
- Heidegger M. 1998. Gesamtausgabe. Bd. 69: Die Geschichte des Seyns. Frankfurt-am-Main : Vittorio Klostermann. 229 S.
- Heidegger M. 2000. Gesamtausgabe. Bd. 16: Reden und andere Zeugnisse eines Lebensweges, 1910–1976. Frankfurt-am-Main : Vittorio Klostermann. S. 842.
- Jandl E. 1992. stanzen. Hamburg ; Zürich : Luchterhand Verlag. 150 S.
- Janz M. 1995. Elfriede Jelinek. Stuttgart : Metzler. 182 S.
- Kita J. 2002. Martin Buber und Paul Celan. Zur Poetik des Dialogs // Avantgarden in Ost und West: Literatur, Musik und Bildende Kunst um 1900 / Hrsg. von H. Kircher, M. Kłańska, E. Kleinschmidt. Köln ; Weimar ; Wien : Böhlaus. S. 317-336.
- Szyborska W. 2010. Trzy słowa najdziwniejsze // Szyborska W. Wiersze wybrane / Wybór i układ autorki. Kraków : Wydawnictwo a5. S. 336.
- Thomä D. 2003. Heidegger in der Satire. Das Herrschen des Seins // Heidegger-Handbuch: Leben – Werk – Wirkung / Hrsg. von D. Thomä. Stuttgart ; Weimar : Verlag J. B. Metzler. S. 510-513.

Oxana A. Koval, Russian Christian Humanitarian Academy,
St. Petersburg, Russia. E-mail: ox.koval@gmail.com
ORCID: 0000-0003-4718-6669
ResearcherID: Q-6650-2018
ScopusID: 57201359595
SPIN-код: 6561-2067

Ekaterina B. Kriukova, Federal Center
of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences;
Sociological Institute of the RAS, St. Petersburg, Russia.
E-mail: kriukova.jr@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-6585-4611
ResearcherID: AAI-1483-2020
ScopusID: 57210125630
SPIN-код: 9287-6060

Article received 26.08.2019, accepted 01.10.2019, available online 06.07.2020

HEIDEGGER AS A FICTIONAL CHARACTER. PART II

Abstract. In general, the following article attempts to showcase how literature reflects and interprets philosophical concepts using a rich arsenal of inherent expressive means. The personality and ideas of Martin Heidegger, one of the most influential thinkers of the 20th century, often became the subject of literary reflection. The focus of this article is the second phase of the philosopher's life – from 1933, when he assumed the

post of rector of the University of Freiburg, and until his death. The poets and writers involved here (E. Jelinek, E. Jandl, A. Kluge, B. Kenjeev, G. Grass, P. Celan, T. Bernhard, W. Abish) create a multidimensional and complex image of Heidegger in their works. The biographical and imaginative twists and turns of the legendary philosopher come to life under the magnifying glass of writer's reflection, for which the boundary between reality and fiction remains suspended. This allows us to understand the nature and motives of the philosopher better than any documentary evidence or even the direct speech. The language of literature – derisive, caustic, grotesque – creates necessary counterbalance to philosophy, which, according to laws of genre, gravitates to mortal seriousness and thereby loses its critical attitude towards itself. Such a combination of literary imagination and metaphysical speculation turns out to be productive both for philosophy, which tests its ethical relevance in the poetic dimension, and for literature, which turns into a space of authentic existential questions. The fiction not only reveals inconsistencies in Heidegger's train of thought but offers its own unconventional arguments to cope with those inconsistencies.

Keywords: Heidegger; literary character; fiction; philosophy; narrative; intertext.

For citation: Koval O.A., Kriukova E.B. *Khaydegger kak literaturnyy personazh. Ch. II* [Heidegger as a fictional character. Pt. II], *Antinomii=Antinomies*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 7-32. DOI 10.24411/2686-7206-2020-10201. (in Russ.).

The article was written in the framework of the RFBR project No. 18-311-00268 “Poetics of Philosophical Thinking: The Cultural Paradigm of Modernity and Modern Trends”.

References

Abish W. *Skol' eto po-nemetski* [How German Is It], *U. Abish. Skol' eto po-nemetski : rasskazy, roman*, St. Petersburg, Simpozium, 2000, pp. 155-447. (in Russ.).

Baumann G. *Erinnerung an Paul Celan* [Remembering Paul Celan], Frankfurt-am-Main, Suhrkamp, 1986, 143 p. (in German).

Bernhard Th. *Alte Meister* [Old Masters], Frankfurt-am-Main, Suhrkamp, 1985, 310 p. (in German).

Bernhard Th. *Starye mastera* [Old Masters], *Al'manakh nemetskoy literatury*, Moscow, Medium, 1995, iss. 5, pp. 5-208. (in Russ.).

Celan P. *Largo* [Largo], *P. Celan. Gesammelte Werke in sieben Bänden, Zweiter Band, Gedichte II*, Frankfurt-am-Main, Suhrkamp, 2000, 356 p. (in German).

Celan P. *Todtnauberg* [Todtnauberg], *P. Tselan. Stikhotvoreniya. Proza. Pis'ma*, Moscow, Ad Margenem Press, 2008, pp. 236-237. (in Russ.).

Grass G. *Moe stoletie* [My Century], St. Petersburg, Amfora, 2009, 350 p. (in Russ.).

Grass G. *Sobach'i gody* [Dog Years], St. Petersburg, Amfora, 2008, 736 p. (in Russ.).

Hachmeister L. *Heideggers Testament. Der Philosoph, der Spiegel und die SS* [Heidegger's Testament. Philosopher. Spiegel. SS], 2nd ed., Berlin, Propyläen, 2014, 368 p. (in German).

Heidegger M. *Evropeyskiy nihilizm* [European Nihilism], *M. Khaydegger. Vremya i bytie : stat'i i vystupleniya*, Moscow, Respublika, 1993, pp. 63-176. (in Russ.).

Heidegger M. *Geraklit* [Heraclitus], St. Petersburg, Vladimir Dal', 2011, 504 s. (in Russ.).

Heidegger M. *Gesamtausgabe, Bd. 16: Reden und andere Zeugnisse eines Lebensweges, 1910–1976* [Collected Works, Vol. 16: Speeches and Other Evidence, 1910–1976], Frankfurt-am-Main, Vittorio Klostermann, 2000, 842 p. (in German).

Heidegger M. *Gesamtausgabe, Bd. 65: Beiträge zur Philosophie (Vom Ereignis)* [Collected Works, Vol. 65: Contributions to Philosophy (Of the Event)], Frankfurt-am-Main, Vittorio Klostermann, 1989, 521 p. (in German).

Heidegger M. *Gesamtausgabe, Bd. 69: Die Geschichte des Seyns* [Collected Works, Vol. 69: The History of Being], Frankfurt-am-Main, Vittorio Klostermann, 1998, 229 p. (in German).

Heidegger M. *Iskusstvo i prostranstvo* [Art and Space], M. Khaydegger. *Vremya i bytie : stat'i i vystupleniya*, Moscow, Respublika, 1993, pp. 312-316. (in Russ.).

Heidegger M. *Samoutverzhdenie nemetskogo universiteta* [The Self-Assertion of the German University], M. Khaydegger. *Raboty i razmyshleniya raznykh let*, Moscow, Gnozis, 1993, pp. 222-231. (in Russ.).

Heidegger M. *Tvorcheskiy landschaft: pochemu my ostaemsya v provintsii?* [Why Do We Live in the Province?], M. Khaydegger. *Raboty i razmyshleniya raznykh let*, Moscow, Gnozis, 1993, pp. 218-221. (in Russ.).

Heidegger M. *Veshch'* [Thing], M. Khaydegger. *Vremya i bytie : stat'i i vystupleniya*, Moscow, Respublika, 1993, pp. 316-326. (in Russ.).

Heidegger M. *Vremya kartiny mira* [The Age of the World Picture], M. Khaydegger. *Vremya i bytie : stat'i i vystupleniya*, Moscow, Respublika, 1993, pp. 41-62. (in Russ.).

Inishev I. *Khaydegger i rossiyskoe filosofstvovanie: produktivnost' distantsii* [Heidegger and Russian Philosophizing: The Productivity of the Distance], *HORIZON. Fenomenologicheskie issledovaniya*, 2018, vol. 7, no. 2, pp. 546-553. (in Russ.).

Jandl E. *naplavrenie* [lichtung], V.G. Kupriyanov (comp.). *Zarubezhnaya poeziya v perevodakh Vyacheslava Kupriyanova : sbornik s parallel'nymi nemetskimi originalami*, Moscow, Raduga, 2009, pp. 397. (in Russ.).

Jandl E. *stanzen* [stanzas], Hamburg, Zürich, Luchterhand Verlag, 1992, 150 p. (in German).

Janz M. *Elfriede Jelinek* [Elfriede Jelinek], Stuttgart, Metzler, 1995, 182 p. (in German).

Jelinek E. *Gora mertvetsov* [Totenauberg], Moscow, AST, Astrel', 2009, 192 p. (in Russ.).

Jelinek E. *Oblaka. Dom.* [Clouds. Home.], E. Elinek. *Posokh, palka i palach*, Moscow, AST, Astrel', Poligrafizdat, 2010, pp. 172-250. (in Russ.).

Kenjeev B. *Veshchi* [Things], B. Kenzheev. *Nevidimye : stikhi*, Moscow, OGI, 2004, pp. 100-102. (in Russ.).

Kita J. *Martin Buber und Paul Celan. Zur Poetik des Dialogs* [Martin Buber and Paul Celan. To the Poetics of Dialogue], H. Kircher, M. Kłańska, E. Kleinschmidt (eds.). *Avantgarden in Ost und West: Literatur, Musik und Bildende Kunst um 1900*, Köln, Weimar, Wien, Böhlaus, 2002, pp. 317-336. (in German).

Kluge A. *Khronika chuvstv* [The Power of Feelings], Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2004, 392 p. (in Russ.).

Koval O., Kriukova E. «*Todtnauberg*» Tselana: *popytka razgovora mezhdu filosofiey i poeziey* ["*Todtnauberg*" of Paul Celan: An Attempt to Talk Between Philosophy and Poetry], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya*, 2020, no. 64, pp. 196-219. (in Russ.).

Lacoue-Labarthe Ph. *Khaydegger: poetika i politika* [Heidegger: Poetics and Politics], Logos, 1999, no. 2, pp. 112-140. (in Russ.).

Lytard J.-F. *Khaydegger i «evrei»* [Heidegger and "the jews"], 2nd ed., rev., St. Petersburg, Machina, 2014, 206 p. (in Russ.).

Nikiforov O. *Martin Khaydegger: materialy k politicheskoy biografii geroya* [Martin Heidegger: Materials for the Political Biography of the Hero], V.A. Podoroga (ed.). *Avto-*

bio-grafiya. K voprosu o metode. Tetradi po analiticheskoy antropologii. № 1, Moscow, Logos, 2001, pp. 344-386. (in Russ.).

Safranski R. *Khaydegger: germanskiy master i ego vremya* [Martin Heidegger: Between Good and Evil], Moscow, Molodaya gvardiya, 2002, 614 p. (in Russ.).

Szyborska W. *Trzy słowa najdziwniejsze* [The Three Oddest Words], W. Szyborska. *Wiersze wybrane*, Kraków, Wydawnictwo a5, 2010, pp. 336. (in Polish).

Thomä D. *Heidegger in der Satire. Das Herrschen des Seins* [Heidegger in Satire. The Dominance of Being], D. Thomä (ed.). *Heidegger-Handbuch: Leben – Werk – Wirkung*, Stuttgart, Weimar, Verlag J.B. Metzler, 2003, pp. 510-513. (in German).

Toporov V.N. *Apologiya Plyushkina: veshch' v antropologicheskoy perspektive* [Plyushkin's Apology: a Thing in the Anthropological Perspective], V.N. Toporov. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo : izbrannoe*, Moscow, Progress, 1995, pp. 7-111. (in Russ.).

Waite G. *Politicheskaya ontologiya* [Political Ontology], N.V. Motroshilova (ed.). *Filosofiya Martina Khaydeggera i sovremennost'*, Moscow, Nauka, 1991, pp. 188-214. (in Russ.).